

DOI 10.15826/qr.2018.4.341
УДК 94(470)"16"+930.2+355.1(09)+339(09)

**«ГОДЫ БЕДСТВИЙ»
ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ЗАВОДЧИКА
АНДРЕЯ ДЕНИСОВИЧА ВИНИУСА***

Дмитрий Лисейцев

Степан Шамин

Институт российской истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

**THE “YEARS OF HARDSHIP”
OF THE FIRST RUSSIAN MANUFACTURER
ANDREI DENISOVICH VINIUS****

Dmitry Liseitsev

Stepan Shamin

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article considers an unstudied episode in the life of Andrei Denisovich Vinius, a Dutch entrepreneur and founder of the first metallurgical plant in Russia. Previously, researchers had no information about Vinius' business activities connected with the establishment and management of the metallurgical plant. The sources available to researchers did not prove the hypothesis that the Dutch merchant continued his trading activity. Such data can be found among Prikaz records reflecting results of trials. Andrei Vinius was a defendant in these cases. Documents found by the authors in the Russian State Archive of Ancient Acts help conclude that Vinius did not stop his trading activity even when his major efforts were aimed at founding a metallurgical plant near Tula. However,

---

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

** *Citation*: Liseitsev, D., Shamin, S. (2018). The “Years of Hardship” of the First Russian Manufacturer Andrei Denisovich Vinius. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 984–994. DOI 10.15826/qr.2018.4.341.

Цитирование: Liseitsev D., Shamin S. The “Years of Hardship” of the First Russian Manufacturer Andrei Denisovich Vinius // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 984–994. DOI 10.15826/qr.2018.4.341 / Лисейцев Д., Шамин С. «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Виниуса // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 984–994. DOI 10.15826/qr.2018.4.341.

the period between 1630 and 1640 was a hard time for the Dutch entrepreneur. It was characterised by a tense situation in the international arena, where his plant had to compete with firearms imported from Europe. In the late 1630s and early 1640s, Muscovy was facing a possible conflict with the Ottoman Empire and the Crimean Khanate. As a result, the country had to quickly fortify its borders, build new protective walls, and increase the garrisons in the towns of the steppe zones, which required the mass production of small arms. Due to the peculiarities of the Russian domestic resource market, Vinius' arms were nearly a third more expensive compared to small arms imported from Sweden and Germany. Vinius' trading activity led to losses and conflicts with the Russian law. Trying to make up for the losses incurred, he started dealing in tobacco, which was prohibited in Russia. All these factors gradually made Vinius stop his commercial activity and join the Russian civil service. His legal conflict with Nazary Chisty, a clerk of the State Prikaz, and their later reconciliation also allowed Vinius to establish useful connections in government circles.

Keywords: 17th-century Russian history; Andrei Denisovich Vinius; publication of sources; armament of the Russian army; 17th-century trade.

Статья посвящена рассмотрению слабоизученного эпизода жизни Андрея Денисовича Виниуса, голландского предпринимателя, основателя первого в России металлургического завода. Ранее исследователи не располагали сведениями о предпринимательской деятельности Виниуса в период его занятий организацией и руководством железоделательным заводом. Гипотеза о продолжении голландским негодантом торговых операций не была подтверждена источниками. Соответствующие данные сохранились в материалах приказного делопроизводства, отразивших результаты судебных разбирательств. Фигурантом этих дел выступал А. Виниус. Документы, обнаруженные авторами в РГАДА, позволяют уверенно говорить о том, что Виниус не прекратил торговых операций даже в период, когда основные его усилия были направлены на создание металлургических предприятий под Тулой. Однако рубеж 1630–1640-х гг. был для голландского негоданта тяжелым временем. Напряженная внешнеполитическая ситуация поставила продукцию его заводов в условия нелегкой конкуренции с импортным огнестрельным оружием, ввозимым из Европы. Московское государство в конце 1630-х – начале 1640-х гг. стояло перед лицом возможного военного столкновения с Османской империей и Крымским ханством. Спешное укрепление южных границ, строительство новых крепостей и увеличение гарнизонов городов на степном рубеже требовали массового производства стрелкового оружия. Реалии русского внутреннего сырьевого рынка делали выпускаемую заводами Виниуса продукцию приблизительно на треть более дорогой в сравнении со стрелковым оружием, импортируемым из Швеции или Германии. Торговые операции Виниуса тоже приносили ему убытки и даже приводили его к конфликтам с российским законодательством. Пытаясь возместить понесенные убытки, А. Виниус занялся даже запрещенной в России торговлей табаком. Перечисленные обстоятельства способствовали постепенному свертыванию Виниусом коммерческих опе-

раций и его переходу на российскую государственную службу. Вместе с тем судебный конфликт и последовавшее за ним примирение Андрея Денисовича с дьяком Казенного приказа Назарием Чистым помогли Виниусу установить полезные знакомства в российских правительственных кругах.

Ключевые слова: история России XVII в.; Андрей Денисович Виниус; публикация источников; вооружение русского войска; торговля в XVII в.

Личность голландского предпринимателя Андрея Денисовича Виниуса уже около столетия привлекает внимание ученых. В России первой половины XVII в. он действовал сначала как купец, затем стал выполнять дипломатические поручения московского двора; он также выступал в качестве советника российского правительства. Уже это вполне оправдало бы исследовательский интерес к его личности. Однако главный вклад Виниуса в историю России – его участие в строительстве первых русских железоделательных заводов на реке Тулице недалеко от Тулы.

В фундаментальном исследовании И. Н. Юркина отмечается, что первое железо с тульских заводов Виниуса было поставлено в казну 24 марта 1636 г., а для 1637 г. можно уже с уверенностью говорить о получении чугуна [Юркин, с. 30–31]. В это время страна оказалась перед лицом более чем вероятной перспективы войны с Османской империей и Крымским ханством в связи с осуществленным в 1637 г. захватом донскими казаками турецкой крепости Азов [Куц, с. 10; Никитин, с. 44–50]. Обострение ситуации в южном пограничье заставило правительство спешно пополнять гарнизоны городов, восстанавливать засеки, обновлять старые укрепления и возводить новые крепости – Яблонов, Вольный, Хотмыжск, Чугуев и др. На подданных Московского государства был возложен экстраординарный налог – подать в размере 2 руб. с каждого двора (для сбора этих денег был учрежден особый приказ – Сбора ратных людей) [Лисейцев, 2015, с. 25]. В общем ряду с перечисленными действиями стоит и намерение правительства в короткие сроки обеспечить русские войска «вогненным боем».

В такой ситуации представляется вполне естественным, что российское правительство задействовало новое предприятие в снабжении армии оружием. 4 июня 1637 г. Виниус получил заказ на производство 1 тыс. самопалов. Заказ предстояло выполнить к 6 июня следующего 1638 г. В качестве аванса заводчик получил 1 тыс. руб. Еще 500 руб. ему должны были выплатить после окончания работы. К оговоренному времени Виниус сумел поставить только 300 самопалов [Юркин, с. 31]. Таким образом, правительственный заказ был провален.

Для того чтобы разобраться в причинах неудачи Виниуса, необходимо проанализировать практику выполнения массовых государственных заказов на ручное огнестрельное оружие в годы правления царя Михаила Федоровича. Еще летом 1618 г., на исходе Смутного вре-

мени, в Нижний Новгород было отправлено распоряжение изготовить из казенного железа 500 ручных пищалей и 100 пищалей затинных. Нижегородские власти в октябре того же года отчитывались о проделанных работах: себестоимость одной пищали превысила 2 руб., а изготовить их удалось только 18. Дальнейшее производство пришлось остановить из-за отсутствия «уголья»: уголь в связи с действиями в Нижегородском уезде польско-литовских и запорожских отрядов везти было некому – население находилось в бегах. Московская администрация имела свой взгляд на ситуацию, и воевода получил выговор за отсутствие должного служебного рвения. По мнению столичных властей, за прошедшее время можно было изготовить более 300 пищалей, «а мастеров и уголья не с Москвы в Нижней посылать, мочно мастеров и уголья добыть и в Нижнем, только б есте о том радели» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2 (1619 г.). Л. 43, 50, 57].

А. Д. Виниус. Портрет
К. Висхера. 1650

A. D. Vinius. Portrait
by C. Visscher. 1650

Неудачный опыт организации массового производства огнестрельного оружия в Нижнем Новгороде, надо полагать, заставил правительство задуматься о закупках вооружения за рубежом. Отправленное в ходе подготовки к войне против Речи Посполитой в 1630 г. в Швецию посольство Федора Племянникова и Афанасия Аристовя, помимо дипломатического поручения, имело задание закупить в Европе крупную партию оружия: одного только задатка немецким купцам было дано 9 тыс. «ефимков»¹. В связи со смертью русского посланника с поставкой оружия в Россию возникли серьезные сложности, и лишь упорство состоявшего при посольстве переводчика Игнатия Кучина заставило немецких негодантов выполнить условия своей части контракта [Лисейцев, 2002, с. 7–8; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10 (1632 г.). Л. 1–9].

Приобретать огнестрельное оружие за рубежом решили и впоследствии, закупки осуществлялись через шведского резидента в Москве Пьера Крузбьорна. Договор о поставках огнестрельного оружия был заключен, вероятно, в начале 1637 г. Во всяком случае, 6 марта 1637 г. из Разрядного приказа в Оружейную палату послали 2 руб. «за пищаль, какова послана в Свею для образца» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 91. Л. 214–214 об.; Кн. 292. Л. 217 об.]. Переговоры о за-

¹ 9 тыс. ефимков в пересчете на русские деньги составляли около 6 тыс. руб.

² Надо полагать, что эта «немецкая образцовая пищаль» в дальнейшем хранилась в Разрядном приказе. Во всяком случае, в марте 1639 г. из этого ведомства для нее были выданы деньги «от смази и за кремень».

купках оружия через Швецию начались еще до захвата казаками Азова. Неожиданный для Москвы демарш дончаков заставил российское правительство использовать для спешного перевооружения войск все имеющиеся в его распоряжении ресурсы³.

К весне 1638 г. первая партия пищалей из Швеции была уже получена – в апреле-мае «Свейские земли агенту Петру Кружберну» за нее было выплачено 1 500 руб. Поставки оружия из Швеции продолжались и в дальнейшем – в январе 1639 г. через Новгород в Москву была доставлена новая партия из 1 320 пищалей, за которые в феврале-апреле было уплачено 1 900 руб. [Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 37, 55; Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 292. Л. 213 об.–214 об., 217 об., 222 об.]. Простой расчет показывает, что стоимость одной пищали, доставленной из Швеции, составляла около 1 руб. 44 коп. Привезенное в Москву огнестрельное оружие проходило дополнительную обработку в Немецкой слободе: пищали «простреливали», чистили и «орлили» (то есть ставили клеймо). Позднее в июне 1642 г. за эти работы старосте Старой Заяузской слободы было выплачено 21 руб. 72 коп. (по 3 коп. за каждую из 724 пищалей). Выделялись деньги также и на порох для «простреливания» пищалей. В конечном итоге себестоимость пищали «немецкого дела» достигала полутора рублей, что подтверждается, в частности, фактом перечисления в сентябре 1639 г. из Разрядного приказа в Стрелецкий 75 руб. за 50 пищалей «немецкого дела», розданных стрельцам, переведенным на казачью службу в новую крепость Яблонов [Там же. Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 292. Л. 211, 222; Кн. 293. Л. 210 об.; Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 47].

Не вызывает сомнений прямая связь между активизацией закупок огнестрельного оружия и усложнившимся из-за «азовского осадного сидения» международным положением Московского царства: на рубеже 1630–1640-х гг. приобретенное в Швеции оружие из Москвы отправляли в города южного пограничья – Воронеж, Белгород, Чугуев. В частности, в феврале 1639 г. в Воронеж послали 100 пищалей «немецкого дела»; в июне 1641 г. в один только Чугуев под пищали было нанято семь телег. Крупные оружейные склады были созданы в городах «Берегового разряда» – Туле, Переславле-Рязанском, Веневе, Крапивне и Одоеве: за 1639–1640 гг. сохранились записи о выдаче поденного корма «оружейным дозорщиком, которые на Туле и в иных городех у салдацкого и у драгунского ружья» [Там же. Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 292. Л. 215, 217 об.; Кн. 297. Л. 238 об.; Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 25, 27–31].

Приведенные нами данные показывают, что стоимость произведенного в России огнестрельного оружия равнялась примерно 2 руб. за ствол. При этом налаживание массового производства составляло проблему. Закупка шведского оружия большими парти-

---

³ Донские казаки осадили Азов в апреле 1637 г. и взяли крепость в июне того же года [Куц, с. 8–9]. Заказ на приобретение оружия в Швеции был сделан несколько ранее.

ями позволяла казне в конце 1630-х гг. приобретать его менее чем по полтора рубля за ствол. По заключенному Виниусом договору цена продукции его тульских заводов примерно соответствовала стоимости закупок в Швеции. Поскольку Виниус не справился с объемами производства, то можно предполагать, что и на шведский уровень себестоимости продукции выйти ему не удалось. Просто закупить недостающее число стволов на русском рынке и поставить их казне Виниус не мог из-за разницы в ценах. В условиях конкуренции в виде шведской оружейной продукции московские власти вряд ли могли пойти на какие-то серьезные финансовые уступки Виниусу. Это значит, что «военная тревога» 1637–1642 гг. вместо того, чтобы принести первому русскому заводчику прибыль, ухудшила его материальное положение. Ему пришлось восполнять убытки с помощью торговых операций.

До настоящего момента сведений о торговой деятельности Виниуса в тот период не имелось. Позволим себе процитировать фрагмент книги И. Н. Юркина, посвященный данному вопросу: «Если во время строительства заводов Виниус, как видим, продолжал торгово-предпринимательскую деятельность (вероятно, в ограниченном против прежнего объеме), то и после их пуска у него, полагаем, не было резона ее прекращать. Пока отношения Виниуса с компаньонами окончательно не испортились (период по начало 40-х годов включительно), у него, скорее всего, имелись и время, и силы, и желание заниматься торговлей. Его поездки за границу, в том числе по торговым делам, в это время достаточно вероятны. Документальных подтверждений их пока нет – выявленные к настоящему времени в Печатном приказе свидетельства о торговых сделках А. Д. Виниуса-отца (не связанных с реализацией заводской продукции), прервавшись в 1637 г., возобновляются только с 1648 г. ... – года, когда Виниус потерял заводы. Сохраняем надежду обнаружить их и для десятилетия, в течение которого Виниус состоял их совладельцем» [Юркин, с. 40].

Выявленные нами в РГАДА документы подтверждают предположение Юркина о продолжении торговой деятельности Виниуса. В приходо-расходной книге Посольского приказа 1638–1639 гг. обнаружены сведения о взятии с него судебной пошлины, а также «пересуду и правого десятку» на общую сумму 36 руб. 72 коп. Голландский предприниматель пытался взыскать с тяглеца Мясницкой полусотни Григория Логинова 365 руб. за не поставленное по уговору сало. Надежных свидетелей участники тяжбы, судя по всему, не нашли, и дело решилось крестным целованием – Логинов поклялся, что сало Виниусу поставил [РГАДА. Ф. 138. Оп. 2, кн. 2. Л. 11–11 об.]. Когда именно была совершена неудачная для Виниуса сделка с салом, мы не знаем. Известно, однако, что этот иск начали было разбирать в Земском приказе, но затем (видимо, по инициативе Виниуса) его передали в Посольский приказ, которому были подведомственны дела иностран-

ных торговцев. Однако вряд ли эта тяжба длилась годы. Скорее всего, салом Виниус пытался торговать незадолго до даты появления этой записи в документах Посольского приказа.

Другая торговая операция Виниуса имеет четкую дату. Судя по материалам архива Оружейной палаты, 28 июня 1639 г. по государеву указу голова Семен Старого получил четыре аршина темно-синего английского сукна стоимостью в 4 руб. за то, что 10 мая 1639 г. поймал Виниуса «с табаком» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 294. Л. 156 об.–157]. Табак русская церковь считала «сатанинским зельем», однако на практике им торговали вполне официально. Лишь 6 декабря 1648 г. появился указ Алексея Михайловича, по которому продажу табака запретили под угрозой битья кнутом, а имевшийся у целовальников запас табака предписывалось изымать в казну и сжигать [СГГиД, ч. 3, с. 443]. Однако потребление табака иностранцами не преследовалась и позднее. Судя по материалам археологических исследований тульских заводов Виниуса, какая-то часть живших на них людей курила. Археологи нашли здесь более десятка фрагментов голландских курительных трубок (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», ГМЗ-КП-32/166–170; ГМЗ-КП-157/53–58; ГМЗ-КП-398/22. Экспонировались на выставке «Россия и Голландия: пространство взаимодействия» в ГИМ 18 июня – 16 сентября 2013 г.). Поимка Виниуса «с табаком» свидетельствует о том, что он попытался вести незаконную торговлю «адским зельем».

Четырехрублевые «дачи» стрельцам и солдатам наподобие той, что получил Старого, в расходных книгах Оружейной палаты – дело обычное. Как правило, такое вознаграждение следовало за воинские подвиги. За раскрытие преступлений государь жаловал крайне редко, но и среди таких пожалований большинство зафиксированных случаев касается не экономических преступлений, а различных «измен». Соответственно, речь в нашем случае должна идти о правонарушении крупного масштаба, разоблачение которого принесло казне немалую сумму.

В начале 1640 г. Виниус проиграл еще одно судное дело. На этот раз он пытался взыскать 146 руб. 90 коп. с дьяка Назария Чистого, возглавлявшего на тот момент приказ Большой казны. Как и в случае с Григорием Логиновым, стороны дошли до крестного целованья, однако непосредственно перед ним помирились: Виниус не только отказался от взыскания денег, но и обязался оплатить «пошлины, и пересуд, и правой десяток» в размере 14 руб. 91 коп. [РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 3. Л. 11 об.–12].

На первый взгляд, финансовые потери Виниуса не выглядят значительными: по результатам двух судебных тяжб он, будучи проигравшей стороной, был вынужден заплатить в общей сложности немногим более 50 руб. Впрочем, это не такая уж маленькая сумма, она примерно соответствует годовому окладу новопожалованного в дьяки приказного служащего; годовой прожиточный минимум жителя столицы в середине XVII в., по подсчетам О. В. Новохатко,

составлял 6–8 руб. [Новохатко, с. 540]. Не следует забывать и о том, что Виниус терял не только пошлинные деньги, но и лишался средств, за которые, собственно, судился. По двум искам это более 500 руб. Сумма очень солидная: годовое жалование сопоставимого размера тогда получали лишь самые влиятельные из бояр – И. Н. Романов, князя И. Б. Черкасский, Д. М. Черкасский, Б. М. Лыков, Ю. Я. Сулешев, а также Ф. И. Шереметев, И. П. Шереметев, Б. А. Репнин [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Галич). Кн. 9. Л. 3; Оп. 1 (Боярские книги). Кн. 4. Л. 1; Ф. 141. Оп. 2. Д. 41 (1641). Л. 34; Боярская книга, с. 19–20]. Потерянных Виниусом 500 руб. было достаточно для выплаты годового кормового и хлебного жалования казакам двух пограничных городов – Великих Лук и Невеля [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 39]; такая же сумма в течение года поступала в государеву казну из города Дмитрова [Там же. Ф. 141. Оп. 2. Д. 81 (1641 г.). Л. 38].

Приведенные данные позволяют взглянуть в новом свете на причины перехода около 1638–1639 гг. контроля над тульскими железоделательными заводами к компаньонам Виниуса Марселису и Акеме [Юркин, с. 30–31]. К середине 1638 г. у Виниуса возникли трудности, которые были связаны с невыполненным государственным заказом на производство 1 тыс. самопалов. Он пытался компенсировать убытки при помощи торговых операций, которые в предыдущие годы обеспечивали ему дополнительный денежный доход. Мы не знаем, какие именно проблемы возникли в связи с попытками Виниуса торговать салом, однако сам факт получения крупных убытков налицо. Тяжелое финансовое положение заставило Андрея Денисовича обратиться к нелегальным операциям с табаком, в чем следует видеть не проявление преступных наклонностей, а скорее жест отчаяния. Однако и здесь Виниуса ждала неудача и, надо полагать, очень серьезные убытки. Мы не знаем, какие дела голландский купец вел с дьяком Назарием Чистым, но и тут его ожидали неприятности. Торговые неудачи лишили купца возможности финансировать развитие заводов из собственных доходов и предопределили попадание предприятия в руки компаньонов.

Как ни странно, положительные для Андрея Виниуса последствия имела тяжба с Назарием Чистым. Примирение, видимо, было искренним, и позднее, между 1645 и 1648 г., Виниус стал одним из советников Чистого, близкого к главе русского правительства боярину Б. И. Морозову. В 1653 г. по помете дьяка Аникая Чистого (брата Назария) Андрея Виниуса, направленного в Любек, Гамбург и Амстердам, было велено писать «комисариусом», что давало ему официальный дипломатический статус [Юркин, с. 22, 47, 60]. Голландский купец все чаще выполнял поручения русского правительства, а позднее и вовсе принял православие. Примирение с дьяком Чистым принесло Виниусу дивиденды позднее. Период же между 1637 и 1640 г. был для голландца временем финансовых бедствий, оказавших серьезное влияние на всю его последующую жизнь.

Документ 1

**28 июня 1639 г. Запись в расходной книге Казенного приказа
1638/39 г. о выплате жалования Семену Старому за поимку
и привод с табаком Андрея Виниуса**

Того ж дни по государеву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу по памяти за приписью дьяка Ивана Патрекеева государева жалованья голове Семену Старому четыре аршина сукна аглинъского тмосинего, четыре рубли. А пожа (156 об.) // ловал государь ево за то, что в нынешнем во 147-м году мая в 10 день привели с табаком немчина Ондreja Виниуса (157).

[РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты).
Оп. 2. Ч. 1. Кн. 294. Л. 156 об.–157].

Документ 2

**1638/39 г., ранее 6 июля⁴. Запись в приходе-расходной книге
Посольского приказа о взятии пошлин с Андрея Виниуса
по его судному делу с Григорием Логиновым**

С судного с переносного дела, которое по государеву указу взято з Земского двора, что искал в Земском приказе галанской гость Ондрей Виниус Мясницкой полусотни на тяглеце на Гришке Логинове по записи за непоставленное сало трехсот штидесять пяти рублев, а Гришка сказал, что он за те деньги сало по уговору поставил, и в том он взял себе на душу. И по государеву указу то дело вершено, и учинена им вера, и Гришка Логинов поцеловал крест. А на нем, Ондрее, с того дела, в чом приговорена вера, довелось (11) // взяти пошлин тритцать шесть рублев с полтиною, да пересуду и правого десятку сем алтын две деньги, обоего тритцать шесть рублев дватцать четыре алтыны, и те пошлинные деньги у Ондreja Виниуса тритцать шесть рублев дватцать четыре алтына взято сполна (11 об.).

[РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем).
Оп. 2. Кн. 2. Л. 11–11 об.].

⁴ Датируется на основании следующей записи о приходе неокладных денег.

**1640 г., 21 февраля⁵. Запись в приходо-расходной книге
Посольского приказа о взятии пошлин с Андрея Виниуса
по его судному делу с дьяком Назарием Чистым**

С судного дела, что искал Галанские земли гость Ондрей Виниус на дьяке на Назарье Чистом иску своего ста сорока шти рублей тритцати алтын, и в том иску они меж себя у крестного целованья (11 об.) // помирились. А с того иску пошлины и пересуд, и правой десяток четырнатцать рублей тритцать алтын две денги перевел на себя гость Ондрей Виниус. И те денги у Ондрея Виниуса четырнатцать рублей тритцать алтын две денги взято (12).

[РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 3. Л. 11 об.–12].

Список литературы

- Боярская книга 1639 года. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. 266 с.
Куц О. Ю. Азовское осадное сидение 1641 года. М. : Фонд «Русские витязи», 2016. 60 с.
Лисейцев Д. В. Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630–1640-х гг. : опыт реконструкции // Рос. история. 2015. № 5. С. 3–26.
Лисейцев Д. В. Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин : (К вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец. 2002. № 1. С. 4–8.
Никитин Н. И. Азовская эпопея 1637–1641 гг. и ее последствия // Воен.-ист. журн. 2015. № 9. С. 44–50.
Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М. : Памятники ист. мысли, 2007. 640 с.
РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 1. Д. 10 (1632 г.); Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1 (Галич). Кн. 9; Оп. 1 (Боярские книги). Кн. 4; Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 2. Кн. 2, 3; Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 2 (1619 г.); Оп. 2. Д. 41 (1641 г.). Д. 81 (1641 г.); Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. бж. Кн. 91, 292, 293, 297; Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 273 (1647 г.); Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Ч. 1. Кн. 294.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : в 4 ч. М. : Тип. Селивановского, 1822. Ч. 3. XII + 540 с. (СГГиД).
Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М. : Наука, 2007. 588 с.

References

- Boyarskaya kniga 1639 goda* [Boyar Book of 1639]. (1999). Moscow, Institut rossiskoi istorii RAN. 266 p.

⁵ Датируется по предыдущей записи о приходе неокладных денег.

Kuts, O. Yu. (2016). *Azovskoe osadnoe sidenie 1641 goda* [The Azov Siege of 1641]. Moscow, Fond "Russkie vityazi". 60 p.

Liseitsev, D. V. (2002). Perevodchik Posol'skogo prikaza Ignatii Andreevich Kuchin. (K voprosu o sud'be odnogo iz "godunovskikh studentov") [The Translator of the Ambassadorial Prikaz Ignatii Andreevich Kuchin. (On the Fate of One of "Godunov's Students")]. In *Russkii rodosloves*. No. 1, pp. 4–8.

Liseitsev, D. V. (2015). Gosudarstvennyi byudzhnet Moskovskogo tsarstva rubezha 1630–1640-kh gg. : opyt rekonstruktsii [The Muscovite Tsardom's State Budget between the Late 1630s and the Early 1640s: A Reconstruction]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 3–26.

Nikitin, N. I. (2015). Azovskaya epopeya 1637–1641 gg. i ee posledstviya [The Azov Epic of 1637–1641 and Its Consequences]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 9, pp. 4–50.

Novokhatko, O. V. (2007). *Razryad v 185 godu* [Razryad in the Year of 185]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 640 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 96 (Snosheniya Rossii so Shvetsiei). List 1. Dos. 10 (1632 g.); Stock 137 (Boyarskie i gorodovye knigi). List 1 (Galich). Book 9; List 1 (Boyarskie knigi). Book 4; Stock 138 (Dela o Posol'skom prikaze i sluzhivshikh v nem). List 2. Book 2, 3; Stock 141 (Prikaznye dela starykh let). List 1, Dos. 2 (1619 g.); List 2, Dos. 41 (1641 g.), 81 (1641 g.); Stock 210 (Razryadnyi prikaz). List 6zh. Book 91, 292, 293, 297; Stock 214 (Sibirskii prikaz). List 3. Dos. 273 (1647 g.); Stock 396 (Arhiv Oruzheinoi palaty). List 2. Part 1. Book 294.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del v 4 ch. [Collection of State Charters and Treaties, Kept in the State Collegium of Foreign Affairs. 4 Parts]. (1822). Moscow, Tipografiya Selivanovskogo. Part 3. XII + 540 p.

Yurkin, I. N. (2007). *Andrei Andreevich Vinius. 1641–1716* [Andrei Andreevich Vinius. 1641–1716]. Moscow, Nauka. 588 p.

The article was submitted on 11.08.2018